

18. Бейлькин, Х.Ю. Кооперативное движение в Беларуси (эпоха капитализма): пособие для студентов всех специальностей / Х.Ю. Бейлькин. – Гомель: ГКИ, 1998. – 80 с.
19. Бейлькин, Х.Ю. Аграрный кризис конца XIX века и структурная реконструкция сельского хозяйства Беларуси. [Текст]: монография / Х.Ю. Бейлькин. – Минск: Белорусская наука, 2001. – 190 с.
20. Бейлькин, Х. Да пытання аб фермерах і кулаках на Беларусі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 4. – С. 70–76.
21. Панютіч, В.П. Из истории формирования пролетариата Белоруссии, 1861–1914 гг. / В.П. Панютіч – Минск: Наука и техника, 1969. – 190 с.; он же. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861 – 1900. [Текст]: монография / В.П. Панютіч; науч. ред. П.Г. Козловский; АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Навука і тэхніка, 1990, 375 с.; он же. Наёмный труд в сельском хозяйстве Беларуси, 1861–1914 гг. / В.П. Панютіч – Минск: Наука и техника, 1996. – 141 с.; Историография аграрной истории Беларуси 1861 – 1917 гг. / В.П. Панютіч; Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. – Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2005. – 262 с.
22. Гусакова, В.Г. История и экономика «крестьянского вопроса». – Минск, 1998; Шыбека, З. Гароды Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX ст.) – Минск, 1997; Жытко, А.П. «Некалькі міфаў з аграрнай гісторыі Беларусі перыяду капіталізму ў айчынай гістарыяграфіі». Репозіторій БГПУ <http://elib.bspu.by/bitstream/doc/>
23. Кохановский, А.Г. На пути становления индустриального общества: модернизационные процессы в Беларуси (60-е гг. XIX – начало XX в.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. – Вып. 3 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэдактар) [і інш.]. – Минск: БДУ, 2008. – С. 31–46.
24. Киштымов А. Вопросы экономического развития Беларуси и белорусская национальная идея в начале XX в. // Bialoruskie Zeszyty Historyczne – (Беларусі гістарычны зборнік). – №. 17. – Bialystok, 2002. – С. 88–118.
25. Ковалёва, Н., Малыхина, Л. Развитие внутренней торговли в западнорусском регионе России (1861–1914) // Працы Цэнтра вывучэння гісторыі гандлю. Навуковае выданне. – Выпуск 1 / ТАА «Інстытут рознічных тэхналогій “Менка”». Цэнтр вывучэння гандлю; адк. рэд. З. Шыбека. – Минск: Тэхналогія, 2015. – 184 с. – С. 146–157; Ковалёва, Н.Н., Малыхина, Л.Ю. Экономическая ситуация в Гродненской губернии накануне Первой мировой войны // Вестник Брестского государственного технического университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 6 и др.

Материал поступил в редакцию 28.11.16

MALYKHINA L.Ju. Economic development in Western Belarus region of Russia (1861–1914) in historical research

The historiographical review of the works of Soviet and contemporary Belarusian researchers on various aspects of economic development of Belarus in 1861–1914, special attention is focused on the history of the Belarusian districts of Hrodna and Vilna provinces of the Russian Empire.

УДК 316.334.2 (338.23)

Харитонович А.С., Харитонович С.С.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ

Трансформационные процессы последних десятилетий, вызванные информационной технологической революцией, привели не только к заметным изменениям жизненного уклада миллионов людей, но и отразились на отраслевой структуре экономики. В дополнение к традиционным аграрному и индустриальному производствам, построенным на ключевой роли материальных активов, значимым фактором экономических процессов становятся продукты интеллектуальной собственности, позволяющие заметно увеличивать прибыль и одновременно снижать издержки компаний за счёт, например, автоматизации ряда бизнес-процессов, таких как управление, учёт, логистика, продвижение товаров и услуг на рынке, продажи готовых технологий. Продукты интеллектуального труда массово становятся товаром с высокой долей добавленной стоимости. В таких условиях заметно повышается роль нематериальных активов как инновационного фактора производства, главной составляющей которого выступает интеллектуальный потенциал человеческого капитала. Все это привело к появлению заметного исследовательского интереса и, как следствие, возникновению такого термина, как «экономика знаний» или «экономика, основанная на знаниях» (в прямом переводе с английского knowledge-based economy), введенного в научный оборот австро-американским ученым Фрицем Махлупом в 1962 году» [4, с. 14]. В дальнейшем термин популяризировал американский писатель австрийского происхождения Питер Друкер в книге "The Age of Discontinuity" (1969) [7].

Доктор экономических наук, профессор Малых О. Е. отмечает, что еще К. Маркс писал о том, что «знания должны стать крупней-

шей производительной силой и важнейшим источником богатства» [8, с. 53], а также поясняет, что «экономика, основанная на знаниях, создает, распространяет и использует знания для ускорения собственного роста и повышения конкурентоспособности в условиях тесного взаимодействия отдельных сегментов современной экономики, увеличения доли «неосязаемых благ» в экономических сделках и глобализации» [8, с. 56]. Что касается смыслового содержания самого термина, то и по сей день не существует его единообразного понимания. Так, по мнению российского экономиста Чельюка О.Р., «экономика знаний – это процесс создания нового знания, который завязан на товарно-денежные отношения по поводу этих знаний, обеспечивающих их владельцу конкурентоспособность на рынке» [11, с. 108]. Еще один российский автор Гасанов Э.А. предлагает следующее определение: «Экономика знаний и инноваций, или экономика знаний, – экономика, которая разрабатывает, производит, распространяет и использует новые теоретические (научные) знания для выпуска инновационных товаров и услуг. При этом она обеспечивает высокую конкурентоспособность на базе перманентной диффузии инновационных технологий» [5, с. 5]. Окончательной трактовки данного термина нет еще и из-за «неоднозначной роли знаний в экономике, так как знания могут приобретать форму готового продукта, который используют для непосредственного удовлетворения потребностей», а также «знания выступают как капитальные блага, которые используют для удовлетворения потребностей производственного характера» [4, с. 15].

Таким образом, можно утверждать, что предметная область ря-

Харитонович Александра Сергеевна, студентка департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Россия, Департамент социологии НИУ ВШЭ, г. Москва, ул. Мясницкая, 20.

Харитонович Сергей Степанович, ст. преподаватель кафедры гуманитарных наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

да наук об обществе, и в первую очередь, «экономики» (как часто именуют «экономическую теорию», несмотря на многозначность такого названия научной дисциплины), а также социологии, экономической социологии и других пополнилась «знаниевой экономикой». В этом случае экономика знаний является одним из видов экономического поведения в условиях постиндустриального уклада, когда человек производит интеллектуальный продукт, представляющий из себя новую разновидность товара и услуги. Показательно, что бурное развитие системы защиты авторских прав как раз и призвано охранять данный сектор экономической деятельности, оказавшийся весьма уязвимым в условиях широкого доступа аудитории к Интернету и возможностям практически бесконтрольного копирования и распространения информации. Учитывая особую значимость квалифицированных специалистов в генерировании собственно знаний сегодня резко возрастает роль образовательной системы в подготовке человеческих ресурсов.

Любой научный поиск сопряжен с особым набором приемов и способов получения качественно нового знания. В качестве основных теоретико-методологических подходов к исследованию экономики знаний можно использовать как методы формальной логики, диалектический подход, так и методы системного, исторического и логического анализа, а также методы экономико-математического моделирования. Это вызвано контекстной спецификой самого термина «экономика знаний». Так, Фриц Махлуп в своей работе «Производство и распространение знаний в США» оценил, что «в 1958 году сектор экономики знаний давал вклад около 29 % в ВНП США. В данный сектор Махлуп включил многочисленные виды человеческой деятельности, которые объединил в пять групп: 1) образование; 2) научные исследования и разработки; 3) средства массовой информации (радио, телевидение, телефон); 4) информационная техника; 5) информационные услуги. Свои теоретические взгляды, касающиеся отнесения тех или иных отраслей в сектор экономики знаний, Ф. Махлуп основывает на следующих положениях: 1. Знание – это что-то известное кому-то. 2. Производство знаний – процесс, посредством которого кто-то узнает что-либо ему до того неизвестное, даже если это уже известно другим. В соответствии с концепцией Ф. Махлупа, в «производстве и распространении знаний» участвует и врач, когда выписывает рецепт, и юрист, когда дает консультацию, и т. п.» [4, с. 16].

Очевидно, что весьма непросто подсчитать все прямые и косвенные выгоды от использования инновационных идей, так как «знания проникают во все сферы и стадии экономического процесса, и их сложно отделить от продукта или услуги. Компонент знаний присутствует в таких, казалось бы, повседневных и знакомых всем вещах: и в модной одежде (знания о бренде), и в фирменных напитках (бренд и рецептура изготовления), и в военной и бытовой технике (знания о бренде и технологических и технических решениях), и в различных услугах (например, накопленное знание о предыдущих консультациях подобных клиентов), и в услугах агентства недвижимости (знания об объекте недвижимости и о предпочтениях клиентов)» [8, с. 52]. Однако, несмотря на некоторую методологическую сложность, исследовать феномен экономики знаний интересно именно из-за многофакторности самой модели, так как необходимо сопоставлять множество параметров и постоянно проводить междисциплинарные параллели. Подобный анализ текущих ключевых параметров экономики знаний имеет большое прикладное значение в условиях неизбежного перехода стран к постиндустриальному экономическому укладу.

С момента появления в мире экономик знаний возникает необходимость оценки уровня их развития как в отдельно взятой стране, так и в формате сравнения между ними. Поэтому были созданы ряд индексов, таких как Индекс экономики знаний (The Knowledge Economy Index, KEI), Индекс знаний (The Knowledge Index, KI), показатели затрат на научные исследования и разработки, на технологические инновации, на информационные и коммуникационные технологии и другие.

Индекс экономики знаний (The Knowledge Economy Index, KEI) представляет собой комплексный показатель, характеризующий

уровень развития экономики, основанной на знаниях, в странах и регионах мира. Издаётся группой экспертов Всемирного банка. Исследование KEI осуществляется в рамках специальной программы «Знания для развития» (Knowledge for Development). По мнению сотрудников Всемирного банка, KEI может быть использован правительствами государств для анализа проблемных моментов в их политике и измерения готовности страны к переходу на модель развития, основанную на знаниях [3].

Данный индекс включает в себя четыре равновесных субиндекса, каждый из которых состоит из трех индикаторов. Каждый субиндекс представляет собой среднее трех индикаторов, нормализованных по шкале от 0 до 10.

1. Индекс экономического и институционального режима:

- Тарифные и нетарифные барьеры.
- Качество регулирования.
- Верховенство закона.

2. Индекс качества образования:

- Средняя продолжительность обучения в школе.
- Процент зачисления в средние учебные заведения.
- Процент зачисления в высшие учебные заведения.

3. Индекс инновационной деятельности:

- Авторские гонорары и выплаты за изобретения (в млн долл. в пересчете на 1 млн населения).
- Патентная активность (USPTO патенты, среднее значение за пять предыдущих лет в пересчете на 1 млн населения).
- Количество журнальных статей (статьи в научно-исследовательских и технических журналах по следующим дисциплинам: физика, биология, химия, математика, клиническая медицина, биомедицинские исследования, технология и инженерные разработки, науки о Земле, авиакосмические исследования – в пересчете на 1 млн населения).

4. Индекс информационно-коммуникативных технологий (ИКТ):

- Количество телефонов (мобильные телефоны и стационарные телефонные линии в пересчете на 1 тыс. населения).
- Количество персональных компьютеров (в пересчете на 1 тыс. населения).
- Количество пользователей сети Интернет (в пересчете на 1 тыс. населения).

В качестве источника данных используются, прежде всего, базы данных Всемирного банка, ЮНЕСКО и МСЭ, в отдельных случаях – национальная статистика [3].

Согласно отчету Всемирного банка за 2012 год лидерами рейтинга были такие страны, как Швеция (9,43), Финляндия (9,33), Дания (9,16), Нидерланды (9,11), Норвегия (9,11) и другие (см. таблицу 1.). Россия с показателем индекса экономики знаний в 5,78 и индекса знаний в 6,96 занимала 55 место, а Республика Беларусь с 5,59 и 6,62 соответственно 59 место среди 146 государств [6].

Таблица 1. Индекс экономики знаний (по методике Всемирного банка), 2012 г. [6]

Рейтинг	Тренд	Страна	Индекс экономики знаний	Индекс знаний
1	0	Швеция	9,43	9,38
2	6	Финляндия	9,33	9,22
3	0	Дания	9,16	9,00
4	-2	Нидерланды	9,11	9,22
5	2	Норвегия	9,11	8,99
6	3	Новая Зеландия	8,97	8,93
7	3	Канада	8,92	8,72
8	7	Германия	8,90	8,83
9	-3	Австралия	8,88	8,98
10	-5	Швейцария	8,87	8,65
...
55	9	Россия	5,78	6,96
59	11	Беларусь	5,59	6,62

Динамика данного показателя за 2005, 2009 и 2012 год показала стабильную тройку лидеров рейтинга – это такие страны, как Швеция, Финляндия, Дания.

Таблица 2. Индекс экономики знаний (Всемирный банк) за 2005, 2009, 2012 гг. [2, с. 36]

Год	Ранг	Страна	Индекс экономики знаний	Индекс знаний
2005	1	Швеция	9,25	9,29
	2	Финляндия	9,11	9,05
	3	Дания	9,08	9,02
2009	1	Дания	9,52	9,49
	2	Швеция	9,51	9,57
	3	Финляндия	9,37	9,39
2012	1	Швеция	9,43	9,38
	2	Финляндия	9,33	9,22
	3	Дания	9,16	9,00

Таблица 3. Рейтинг и показатели Беларуси по индексу экономики знаний KEI [3]

Год	Рейтинг	Индекс экономики знаний (KEI)	Индекс знаний (KI)
2012	59	5,59	6,62
2005	70	4,89	6,05
1995	55	5,81	6,92

Позитивная динамика, наблюдавшаяся с 2005 года, позволила нашей стране подняться на 11 строчек вверх, однако мы еще не достигли позиций, которые удерживали в середине 90-х годов. И следовательно, последние два десятилетия можно считать временем упущенных возможностей в данной области.

Экономика знаний в Беларуси развивалась противоречиво. С одной стороны, на заре государственной независимости мы имели неплохой научно-технический и образовательный потенциал, унаследованный со времен СССР, и кое-что из этого смогли сохранить. С другой стороны, рыночный механизм внедрения инновационных разработок не смог в полной мере компенсировать потери от реорганизации административного (планового) механизма внедрения, существовавшего на базе отраслевых НИИ и опытно-конструкторских и технологических бюро (ОКБ) на советских предприятиях. «В государствах-участниках СНГ, включая Беларусь, после 1991 года удельный вес организаций, внедряющих инновации, упал в среднем до 5-6% от общего числа организаций. Произошло сокращение спроса на национальный инновационный продукт и вытеснение его с внутренних рынков» [1, с. 57].

Недостаточность научного обеспечения инновационного развития Беларуси во многом обусловлена низкой численностью исследователей. В 1990-е годы их количество сократилось в 3,3 раза. Соответственно упали и объемы выполняемых научно-исследовательских работ. До настоящего времени из научной среды происходит отток наиболее продуктивного среднеговозрастного звена. За последние 10 лет доля исследователей в возрасте 30–39 лет уменьшилась вдвое (с 32,3% до 15,9%), а старше 60 лет возросла в 4,5 раза (с 2,1% до 12,2%). При этом доля докторов наук в возрасте 30–39 лет составляет 1,4% от их общей численности. Более половины из них достигли пенсионного возраста, а 18% – 70 лет. (Национальный статистический комитет Республики Беларусь 2016) [1, с. 58]. Такая возрастная структура научного потенциала опасна потерей преемственности, требующейся для воспроизводства научных школ. Хотя отмеченные тенденции в последние годы существенно замедлены. В течение последних лет число работников, выполняющих научные исследования и разработки, в Беларуси ежегодно уменьшается в среднем на 700 человек, то есть на 3% в год. Приток молодых специалистов не компенсирует естественной убыли исследователей. Во многом это обусловлено низкой престижностью научного труда. В первую очередь это определяется низким уровнем доходов и социального обеспечения. Так, среднемесячная заработная плата исследователей в Беларуси в последние годы составляет около 86% от средней по экономике в целом. Как следствие, не происходит позитивного перелома и в миграции специалистов высшей квалификации. Начиная с 1996 года, из Беларуси ежегодно выезжает и остается за границей порядка 70 науч-

ных работников и преподавателей вузов. При этом идет заметное омоложение внешней интеллектуальной миграции. Все большее число студентов и молодых ученых ориентированы на продолжение образования и работу за рубежом [1, с. 58–59].

В целом по промышленному комплексу Беларуси, степень инновационной активности производств составляет около 13%, что в 4 раза меньше, чем в странах Европейского Союза. Вследствие этого удельный вес осваиваемой новой продукции в производственном секторе составляет только 2,3% в год при его пороговом, с точки зрения экономической безопасности, значении 6% [9, с. 36].

Все вышеперечисленные проблемы накопились после распада СССР, реорганизации плановой системы и замещения ее рыночной с элементами государственного регулирования. Философия остаточного принципа финансирования науки, низкий уровень оплаты труда вкупе со снижением уровня социального престижа научных кадров дают о себе знать. Однако есть и позитивные тенденции. По данным статистики, на начало 2015 года в качестве субъектов инновационной инфраструктуры зарегистрировано 14 юридических лиц, в том числе: 12 технопарков (в Брестской области – 2, Витебской – 2, Гомельской – 2, Гродненской – 2, Могилевской – 1, Минской – 1, в г. Минске – 2) и 2 центра трансфера технологий (в Витебске и в Гомеле). Важно выделить определившуюся тенденцию роста показателей результатов деятельности резидентов технопарков. Так, объем произведенных технопарками работ (услуг) в 2014 году составил 99,7 млрд руб. и увеличился в 2, 9 раза за период с 2012 года, а прирост объема произведенной инновационной продукции резидентами технопарков составил 111 % и достиг величины 197,4 млрд руб. Число резидентов технопарков в 2014 году составило 84, в то время как в 2010 году их было только 7». [12, с. 15–16] Значимой характеристикой научного потенциала выступает численность и квалификация научных кадров. Согласно официальной статистике, на начало 2015 года в 457 организациях, выполняющих научные исследования, работали 27 208 человек. (Национальный статистический комитет Республики Беларусь 2016) Исследователи составили 63,8% от общего числа работающих в этих организациях. Доля докторов наук в общей численности работающих составила 2,5% против 2,4% в 2013 году, кандидатов наук – 10,5% против 10,1% в 2013 году [1, с. 60].

Таким образом, несмотря на то, что численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, снизилась, доля докторов и кандидатов наук немного возросла. Основной формой подготовки научных и научно-педагогических кадров являются аспирантура на базе высшего профессионального образования и докторантура. В 2014 году в Республике Беларусь подготовка осуществлялась в 119 организациях республики, из них 73 – научные организации и 46 – высшие учебные заведения. Численность аспирантов на конец 2014 года в целом по республике составила 4 900 человек. В 2014 году в республике насчитывалось 55 докторантур, из них в научных организациях – 25, в высших учебных заведениях – 30. Численность докторантов составила 282 человека. В 2014 году присуждено 491 степень кандидата наук и 45 степеней доктора наук [10, с. 362].

Интеллектуализация процесса труда в той или иной степени присутствовала всегда. Однако никогда ранее настолько интенсивно. На наш взгляд, это происходит из-за заметного скачка научно-технического прогресса в эпоху индустриального производства, создания качественно нового уровня жизни и потребления благ, особенно в развитых странах, высвобождения людей от рутинного ручного труда за счет его автоматизации и, самое главное, создания необходимой инфраструктуры для оперативного информационного обмена. Информация сегодня становится товаром, который относительно легко тиражировать и доставлять к потребителю. Важно также отметить, что развитый инновационный сектор позволяет повышать конкурентоспособность национальных экономик в условиях глобального рынка, обеспечивает рост постиндустриальных секторов, таких, например, как сфера услуг. Однако в экономике знаний присутствуют и определенные риски, ведь прорывные научные открытия совершаются чаще всего незапланированно. При этом требуется постоянно поддерживать высокий уровень финансирования фундаментальной науки, вкладывать средства в оснащение лабораторий, социальную сферу, поддерживать молодых ученых. Необходимым условием развития экономики

знаний призван стать механизм успешной монетизации инноваций, а это в свою очередь невозможно без тесного взаимодействия и партнерства науки, бизнеса и государства.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авдей, О.А. Анализ инновационного потенциала экономики Беларуси / О.А. Авдей, Ю.В. Чайковская // *Oikonomos: journal of social market economy*. – 2016. – № 2(5). – С. 56–65.
2. Андросова, И.В. Показатели развития экономики знаний в России: материалы 13 Международной научно-практической конференции «Глобализация экономики и российские производственные предприятия». – Новочеркасск, 18–20 мая 2015 г. – 2015. – С. 35–38.
3. Беларусь в Индексе экономики знаний и Индексе знаний // [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://scienceportal.org.by/news/f4d0b5733f948897.html>. – Дата доступа: 25.10.2016.
4. Борбугулов, М.У. Экономика знаний – основа инновационной экономики // *Вестник кыргызско-российского славянского университета*. – 2015. – Т. 15. – № 3. – С. 14–16.
5. Гасанов, Э.А. Фундаментальные основы развития экономики знаний и инноваций в условиях информационно-технологической революции. – Хабаровск, 2016. – 112 с.
6. Индекс экономики знаний // [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/knowledge-economy-index/knowledge-economy-index-info>. – Дата доступа: 25.10.2016.
7. Knowledge economy // [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Knowledge_economy. – Дата доступа: 25.10.2016.
8. Малых, О.Е. Теоретико-методологические основы экономики знаний // *Вестник удмуртского университета*. – Серия: Экономика и право. – 2015. – Т. 25. – № 5. – С. 52–59.
9. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: 64 статистический сборник / Под ред. В.И. Зиновского. – Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2014. – 121 с.
10. Статистический ежегодник: статистический сборник / Под ред. И. В. Медведевой. – Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2015. – 524 с.
11. Чельюк, О.Р. Экономика знаний и информационное общество: опыт сравнительного анализа // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. – 2016. – № 3. – С. 108–111.
12. Шумилин, А.Г. Государственное стимулирование развития инновационной деятельности в Беларуси и роль технопарков в поддержке инноваций / А.Г. Шумилин // *Проблемы управления*. – 2015. – №2 (55). – С. 8–17.

Материал поступил в редакцию 15.11.16

KHARITONOVICH A.S., KHARITONOVICH S.S. Problems and perspectives of the knowledge economy in transition to a postindustrial society

The article investigates perspectives for development of knowledge economy in the conditions of transformation processes and the transition to a post-industrial society, as well as the challenges and barriers along the way. The authors look at the contemporary forms of the knowledge economy and analyzed the situation in the various countries of the world.

УДК 339

Чех А.

ПОТРЕБНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Введение. В исследованиях, заключающихся в поиске причин динамики мира, стоит обратить внимание на такое явление, как потребление, на его причины, а также на процессы, которые оно детерминирует. Правильный диагноз исследуемого явления всегда должен опираться на правильно сформулированный предмет исследований. Этим вопросам и будет посвящена данная статья.

В литературе существует множество определений, которые непосредственно касаются обсуждаемого вопроса. А. Ходолы пишет, что «акт удовлетворения потребностей через потребителей определяется названием потребления. Согласно принятой конвенции – совокупность настоящих актов, а также факторов, которые влияют и определяют структуру, темп развития, вид зависимости, – составляют сферу потребления» [31, с. 15].

В отличие от этого Б. Колодзеек и З. Зелиньска в своем исследовании пользуются термином «потребление», который определяют как акт или процесс удовлетворения потребностей [14, с. 9]. Потребление в наиболее синтетической трактовке определяется как акт или процесс удовлетворения человеческих потребностей с помощью товаров и услуг. Акт потребления имеет место тогда, когда данная потребность однородна и может удовлетвориться однократно. Многие потребности часто возникают повторно, что требует повторения актов потребления, и это превращается в процесс [12, с. 61]. Примером акта потребления могут быть прививки, которым человек подвергается только раз в жизни.

Феномен потребления, как и многие другие экономические явления, подвержен различным классификациям. Принимаемые критерии классификации предназначены для систематизации и облегчения понимания термина и определяют области, представляющие интерес

для исследователей. В качестве классификационных критериев принимаются: субъект, предмет потребления, источники финансирования потребления и происхождение предметов потребления [6, с. 27].

Можно отметить, что в области экономического исследования наиболее распространенным понятием является потребление, а также его предметная и субъектная структура, оценка влияния условий, которые выступают в виде определяющих факторов. На основании настоящих условий можно выделить два основных типа потребления: потребление материальных благ и потребление услуг. Совершая дальнейшее разукрупнение пунктов потребления, можно подняться до уровня коммерческого продукта. Выбор соответствующего уровня разделения предметной трактовки потребления диктуется, прежде всего, потребностями исследования.

Основанием возникновения потребления является чувство разного вида потребностей. С экономической точки зрения они являются наиболее важным фактором, который стимулирует потребление человека [5, с. 11]. М. Бомбол также констатирует, что именно человеческие потребности являются чрезвычайно важной категорией, первичной в вопросе потребления, так как без чувствования потребности, будь то отдельным человеком или общественной группой, нельзя говорить об усилиях к их удовлетворению [12, с. 42]. Ч. Бывалец и Л. Рудницки тоже обращают внимание на очень существенную роль потребностей, утверждая, что потребление почти всегда связано с человеческими потребностями [6, с. 39]. Именно потребности лежат в основе потребительских домашних хозяйств и возникающих из них потребительских целей. Эти цели касаются удовлетворения как материальных, так и нематериальных потребностей членов таких хозяйств [31, с. 97–98].

В отличие от этого, Е. Вишневецкий утверждает, что потребность

Чех Артур, доктор экономических наук кафедры экономической информатики и логистики Политехнической Белостокской, Польша, e-mail: a.czech@pb.edu.pl.